

Основные положения программы П. И. Пестеля

Т. В. Кононенко

Донецкий юридический институт МВД Украины, Кривой Рог, Украина
Corresponding author. E-mail: kononenko_tv_2010@mail.ru

Paper received 24.01.17; Accepted for publication 01.02.17.

Аннотация. Данная статья посвящена одному из идеологов декабристского движения – П.И. Пестелю. Разграничиваются устный, радикальный, и письменный, либеральный, варианты программы декабриста. Исследуются проблемы царубийства, диктатуры Временного Верховного правительства и республики, которые выступают гарантом окончательной победы, смены существующего строя и будущих преобразований. Анализируется проект централизованного государства, жесткой вертикали власти с тотальным контролем всех сфер жизнедеятельности.

Ключевые слова: декабризм, власть, государство, царубийство, диктатура Временного Верховного правительства, республика.

Одним из ярких представителей декабризма является П.И. Пестель. Во всех тайных обществах он выступает своеобразным катализатором, постоянно поддерживает и активизирует Союз Спасения, Союз Благоденствия, Северное и Южное общества. Смыслом его жизни становится разработка комплекса реформ и написание конституции.

В начальный период декабриста более интересуют административная, судебная и военная реформы. Со временем главным становится вопрос власти, политическая реформа. Однако именно в решении этого вопроса П.И. Пестель демонстрирует непоследовательность и нерешительность. Очевидно, что это обусловливается маргинальным положением декабристов. С одной стороны, они фактически покидают свою социальную группу, нацеливаются на захват власти, смену политического, экономического и социального устройства, с другой стороны, испытывают страх перед революцией, понимают неосуществимость своих истинных планов.

Целью нашей статьи является анализ программы П.И. Пестеля, разграничение ее устного, радикального, и письменного, либерального, вариантов.

Актуальность данной работы обусловлена, в первую очередь, интересом к отечественной истории, отечественной общественной мысли. Научно-практическое значение проблемы декабристского движения видится нам в изучении опыта борьбы идеологов декабризма и их идей. В конечном итоге эта проблематика трансформируется в одну из дискуссионных проблем – о роли личности в истории.

В среде научно-исследовательской литературы мы выделяем работы Н.М. Дружинина (история революционного движения), С.С. Ланды (формирование идеологии и политической организации декабристов), Ю.М. Лотмана (декабрист как исторический тип), М.В. Нечкиной (систематизация истории декабризма), А.А. Покровского (археографический анализ комплекса «Русской Правды»), Б.Е. Сыроечковского (история создания «Русской Правды»). Историю декабризма в Украине исследуют Г.Д. Казмирчук и Ю.В. Латиш. Вопросы республиканской формы государственного правления находятся в центре внимания Ж. Грандей и С. Ребоу-Эдлинг.

Как правило, с именем П.И. Пестеля связывают идеи царубийства, истребления всей царской семьи, диктатуры Временного Верховного правительства и республики. Очевидно, что данные меры выступают

гарантом окончательной победы, смены существующего строя и будущих преобразований.

В истории декабристского движения идея царубийства возникает несколько раз. Первыми ее озвучивают М.С. Лунин, А.Н. Муравьев и И.Д. Якушкин. Как показывает П.И. Пестель, в 1816 или 1817 году М.С. Лунин предлагает сформировать специальный отряд для убийства Александра I на Царскосельской дороге [6, с.159]. Это подтверждает Н.М. Муравьев, свидетельствуя на следствии, что в 1816 году до своего отъезда во Францию М.С. Лунин в разговоре с ним и П.И. Пестелем предусматривает возможность нападения на царя [4, с.320]. Сам М.С. Лунин подтверждает Следственному Комитету эти показания, отмечая, что данный разговор происходит в 1818 или 1819 году [5, с.126]. В конце 1817 года предложение царубийства поступает от И.Д. Якушкина. В мемуарах он описывает происходящие тогда события следующим образом: «Александр Муравьев прочел нам только что полученное письмо от Трубецкого, в котором он извещал всех нас о петербургских слухах: во-первых, что царь влюблен в Польшу и это было всем известно; на Польшу, которой он только что дал конституцию и которую почитал несравненно образованнее России, он смотрел как на часть Европы; во-вторых, что он ненавидит Россию, и это было вероятно после всех его действий в России с 15-го года; в-третьих, что он намеревается отторгнуть некоторые земли от России и присоединить их к Польше, и это было вероятно; наконец, что он, ненавидя и презирая Россию, намерен перенести столицу свою в Варшаву... Наконец, Александр Муравьев сказал, что для отвращения бедствий, угрожающих России, необходимо прекратить царствование императора Александра и что он предлагает бросить между нами жребий, чтобы узнать, кому достанется нанести удар царю. На это я ему отвечал, что они опоздали, что я решился без всякого жребия принести себя в жертву и никому не уступлю этой чести [8, с.16-17]». В 1820 году декабристы возвращаются к обсуждению этой идеи. Во время Петербургского совещания ее озвучивает Н.М. Муравьев, представляя с П.И. Пестелем единую программу действий. Именно эта программа, включающая в себя царубийство, истребление императорской семьи, диктатуру Временного Верховного правительства, республику, с 1820 года становится ориентиром для Южан. После реорганизации Тульчинской управы в

1821 – 1822 годах она официально утверждается как программа Южного общества.

Великая Французская революция и дворцовые перевороты XVIII века в России показывают уязвимость самодержавной власти. Создается прецедент не только для замены, но и для ликвидации царствующей особы, семьи, смены формы правления в целом.

С.П. Гурин [7] определяет царя (вождя, короля, императора, президента) как маргинальную фигуру. Действительно, царь – посредник между миром сакрального и миром профанного, смерть которого организовывается и оформляется надлежащим образом. Цареубийство – ритуал обновления власти, своеобразное жертвоприношение – далеко не всегда отрицает идею царской власти. Претензия же на уничтожение данной власти – это уже покушение на сакральный центр, священный порядок мироздания. Как верно пишет С.П. Гурин, в бунте против царя хорошо читается бунт против Бога, в убийстве царя – убийство Бога.

Российский исследователь акцентирует принципиальное значение фигуры цареубийцы: если это посторонний претендент (вторжение или заговор), то происходит смена династии; если это наследник (переворот), то проклятие падает на всю династию и приводит к ее падению; если это народ (бунт, революция), то грех падает на весь народ и его потомство, последствия становятся непредсказуемыми. В идеале цареубийство должен совершить посторонний человек, тогда кровь останется на его руках, или враг, преступник, предатель, в этом случае кровь царя-мученика будет взывать к отмщению. Как пишет С.П. Гурин, в язычестве смерть, убийство царя вторичны, это часть церемонии передачи власти наследнику. В христианстве же смерть царя уподобляется смерти Иисуса Христа, смерть, убийство первичны, а жизнь и власть, наоборот, вторичны, это лишь выбор своей судьбы.

В качестве еще одного гаранта П.И. Пестель рассматривает диктатуру Временного Верховного правительства. В показаниях Следственному Комитету он отмечает: «Опасения на щеть безначалия и безпорядковъ при Революціи произойти могущихъ изъясляль я всегда самъ, и говоря о необходимости Временнаго Правленія, приводиль въ Подкрѣпленіе сей Необходимости всѣ опасенія на щеть безначалия и безпорядковъ: мнѣніемъ полагая, что надежнѣйшее и единственное средство къ отвращенію оныхъ состояло бы въ Учрежденіи Временнаго Правленія [6, с.155]». Повидимому, эта идея формируется в течение нескольких лет. В «Записках» С.П. Трубецкого содержится чрезвычайно важный момент. Еще в начале 1817 года на заседании членов Союза Спасения П.И. Пестель отмечает, что Франция «блаженствовала под управлением Комитета общей безопасности [10, с.22]». С.П. Трубецкой ведет речь о негативной реакции декабристов: «Восстание против этого утверждения было всеобщее, и оно оставило невыгодное для него впечатление, которое никогда не могло истребиться и которое поселило навсегда к нему недоверчивость [10, с.22]». Основываясь на показаниях П.И. Пестеля, декабристоведа отмечают влияние просветительских идей А. Дестю де Траси, однако упускают из виду тот

факт, что П.И. Пестель выделяет два имени: А. Дестю де Траси и М.Н. Новикова. Он показывает, что, согласно республиканской конституции М.Н. Новикова, верховная власть заключается «въ особомъ Сословіи, коего предсѣдатель имѣль два голоса а прочіе члены только по одному [6, с.113]». Это положение является еще одним свидетельством в пользу диктатуры Временного Верховного правительства.

Идею диктатуры П.И. Пестель представляет на Петербургском совещании 1820 года. В отличие от Северян, желающих ввести в новое правительство наиболее значимых российских либералов, он всегда настаивает на том, что членами данного правительства должны быть лидеры тайного общества. Очевидно, что одно из мест декабрист отводит для себя. Он планирует «Русскую Правду» как программу первых преобразований, которую и вводит это правительство в течение восьми – десяти лет.

Здесь является интересным замечание С.С. Аверинцева [1] об образе византийского самодержца. Его составляют три параметра: «ниоткуда» – «свыше» – «извне». Российская монархия – это образец наследственной власти. Византия также знает династическую практику. Однако в ней отсутствует династический пафос. Принципиально подчеркивается сакральность самой власти. Достоинство сана всегда важнее достоинства рода. Византийский самодержец может приходить «ниоткуда», так как его власть мыслится данной «свыше» и «извне». Как пишет С.С. Аверинцев, варвар-завоеватель на Западе и инородец-выскочка на Востоке – характерные образы политической жизни раннего Средневековья. Декабристы, в первую очередь, лидеры Южного общества предлагают уничтожить наследственный характер власти. Они акцентируют не сакральность («свыше»), а профанность, утилитарность власти, воспринимают власть лишь как обязательное условие общественного порядка. По этой причине после революционного переворота Россией и должны управлять пришедшие «ниоткуда» и «извне» члены Временного Верховного правительства.

Идеалом декабриста является республика с сильной президентской властью, которая поддерживается не только верховной властью, но и всем народом. Конституционный проект предусматривает слияние всех народов, проживающих на территории России, в один народ, конечной целью которого выступает единообразие и единомыслие. Уже в ранних работах П.И. Пестель отстаивает идею изначального равенства людей. Вторая редакция «Русской Правды» уничтожает сословную систему, отменяет переходный период в освобождении крестьян, признает крестьян вольными, дает им гражданство и все гражданские права. Декабрист формирует жесткую вертикаль власти с тотальным контролем всех сфер жизнедеятельности. Он рассматривает проблему с точки зрения не личного или семейного, а общественного и государственного благополучия, что допускает страдания и жертвы частных лиц. Акцентируем еще раз: главное – общая польза, общее благо. В своей модели государственного строительства П.И. Пестель исходит из идеи служивого государства. Каждая социальная группа выполняет четкую функцию, нацеленную на

благополучие российского общества и государства, несет государственную службу, которая отличается лишь содержательной стороной.

Согласно А.С. Панарину [9], понятие «феодализм» характеризует не столько экономический, сколько политический уклад. Оно несет в себе дробление больших пространств, стремление к малым суверенитетам. Выделяются не только этнические, но и сеньориальные суверенитеты. Феодалная номенклатура стремится освободить себя от единого государственного контроля. Приватизируются собственность, власть, система прав и обязанностей. Сильные обретают безграничную власть над слабыми. Из этого следует, что слабые более заинтересованы в централизованном государстве. А.С. Панарин пишет, что простой народ не имеет никаких иных средств воздействия на склонные к безграничным злоупотреблениям элитные группы, кроме централизованного государства и бунта. Бунт – действие временное. Следовательно, остается централизованное государство.

Проводя исторические аналогии, исследователь отмечает, что в начале посткоммунистического периода возникает иллюзия, что низы общества могут воспользоваться кризисом коммунистического тоталитаризма и освоить гражданское самоуправление. Однако опыт показывает, что кризисом централизованного государства гораздо эффективнее пользуются номенклатурные и мафиозные элементы. Вместо демократического полиса возникает бандитский капитализм, способный уничтожить сами основания цивилизованного бытия, лишит не только свободы, но и элементарных средств существования.

В этом отношении показательным является Московский период. Общество этого периода знает альтернативу централизованному государству: боярское своеволие, внутреннюю смуту, иноземное завоевание. Русские земли платят татаро-монгольским иггом за феодалные вольности Киевского периода. С этим опытом Москва и приступает к строительству нового государства. Возникает специфический тип равенства в виде консенсуса служивого государства. Все сословия несут государственную службу, которая отличается не столько степенью тяжести, сколько содержательной стороной. Крестьяне кормят, дворяне защищают, духовенство следит за духовным развитием. Все виды служения одинаково необходимы. Усердие одной группы имеет смысл лишь в том случае, если другие группы столь же ревностно выполняют свой долг.

Петербургский период разрушает этот консенсус служивого государства. Закон о золотой вольности вычленил дворянское сословие, что сразу же ставит под вопрос службу крестьянского сословия. Одно дело – снабжать всем необходимым защитников, другое дело – сибаритствующих снотов. Как пишет А.С. Панарин, возникает новая форма взаимоотношений двух историко-социальных полюсов: личностной субъектности и народной субстанции. Субъект – дворянство – определяет и отлучает себя от народной субстанции в акте особого грехопадения. Появляется двойная идентификация: с одной стороны – с национальными традициями, с другой – с западноевропейскими нормами. В итоге имеет место не столько «субъ-

ект действия», сколько «субъект раздражительных процедур сравнения» между национальными и западноевропейскими образцами.

Принадлежащие к Петербургскому периоду декабристы – символ данной двойной идентификации. Однако они стремятся вернуть консенсус служивого государства, эволюционируют от «субъектов раздражительных процедур сравнения» до «субъектов действия». В «Русской Правде» каждое сословие выполняет четкую функцию, нацеленную на благополучие российского общества и государства. Гарант этого – диктатура Временного Верховного правительства.

По замечанию Н.А. Бердяева, государственный абсолютизм возможен не только в монархии, но и в республике. Любое государство содержит в себе элемент жестокости. Оно имеет природу «холодного чудовища». Однако без государства – аппарата власти – человечество ввернется в еще более жестокое существование. П.И. Пестель – сторонник сильного государства. Проблема Ивана Карамзина о слезах замученного ребенка решается однозначно: страдания и жертвы имеют оправдание с исторической точки зрения. Эту позицию разделяет и Н.А. Бердяев. Он обвиняет отечественную интеллигенцию в женственном, чувственном отношении к жизни, признании единственной ценностью «Иванов» и «Петров». История же творится мужественным, волевым началом. «Если бы в мире господствовало исключительно женственное начало, то истории не было бы, мир остался бы в «частном» состоянии, в «семейном» кругу. Менее всего можно было бы сказать, что такое частно-женственное отношение к жизни есть результат сильного чувства личности. Наоборот, сильное чувство личности есть в том мужественном начале, которое задало историю и хочет довести ее до конца [2, с.444]».

На наш взгляд, остается открытым вопрос о республиканской форме власти. И.А. Покровский [3] справедливо пишет, что переход от монархии к республике является моментом критическим и опасным. Авторитет монархии и монарха, как правило, базируется на иррациональном основании. Демократия же – власть выборная – опирается на рациональное основание, прежде всего, на гражданское сознание необходимости власти и порядка. Эти иррациональное и рациональное основания далеко не всегда оказываются равными по силе. Демократизация государства, тем более, происходящая в краткий промежуток времени посредством революционного переворота, может привести к ослаблению психологического фактора власти. Любая демократия – это «господство критического духа». В этом – ее и сильная, и слабая сторона.

Ни в показаниях, ни в воспоминаниях мы не находим четких представлений о республике. Вспоминая программу П.И. Пестеля, декабристы говорят о республиканской модели власти в целом, однако не ясно, каким образом они представляют ее на практике. На совещании 1820 года речь идет о президентской республике, которая для декабристов мало чем отличается от конституционной монархии. По-видимому, и далее П.И. Пестель представляет президентскую республику по аналогии с Соединенными Штатами Америки. Такой вариант наиболее приемлем, поскольку

модель президентской республики совмещает в себе и волюнтаристские, и демократические установки декабриста. Думается, что неопределенность в представлениях о республике, отсутствие разработок этой проблемы объясняются тем, что по плану П.И. Пестеля республиканская форма власти вводится не сразу. Вероятно, новая конституция и республика сменяют через восемь – десять лет «Русскую Правду» и диктатуру Временного Верховного правительства.

Подведем итог. Мы полагаем, что идеалом П.И. Пестеля является республика с сильной президентской властью. Во всех проектах он выступает как сторонник сильного централизованного государства и пытается поставить под контроль все сферы жизнедеятельности общества. Неоднократно он констатирует, что целью государства является благоденствие всего

общества и каждого из его членов. Однако суть данного благоденствия определяется избранными людьми, представителями слоя повелевающих. Являясь автором конституции и потенциальным диктатором, фактически это благоденствие определяет сам П.И. Пестель.

Вряд ли российское дворянство первой четверти XIX века готово к столь радикальной программе преобразований. Думается, это понимает и сам П.И. Пестель. Именно поэтому он вводит диктатуру Временного Верховного правительства. Он верит в действенность воли и силы избранных. Диктаторы, представленные членами тайного общества, насильственным путем вводят новый порядок, руководствуясь собственными представлениями о благе государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аверинцев С.С. Поэтика ранневизантийской литературы. М.: «Coda», 1997. 343 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. Опыт по психологии войны и национальности // Бердяев Н.А. Философия свободы. Харьков: Фолио; М.: ООО «Издательство АСТ», 2002. С. 263-474.
3. Вехи: Сборник статей о русской интеллигенции. Из глубины: Сборник статей о русской революции. М.: Издательство «Правда», 1991. 608 с.
4. Восстание декабристов. Материалы. Т. I. М. Л.: Государственное издательство, 1925. 540 с.
5. Восстание декабристов. Материалы. Т. III. М. Л.: Государственное издательство, 1927. 446 с.
6. Восстание декабристов. Материалы. Т. IV. М. Л.: Государственное издательство, 1927. 488 с.
7. Гурин С.П. Маргинальная антропология // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml>
8. Записки, статьи, письма декабриста И.Д. Якушкина. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1951. 740 с.
9. Панарин А.С. Православная цивилизация в глобальном мире. М.: Алгоритм, 2002. 496 с.
10. Трубецкой С.П. Записки 1844 – 1845, <1854> гг // Мемуары декабристов. М.: Правда, 1988. С. 19-76.

REFERENCES

1. Averintsev, S. The Poetics of Early Byzantine Literature. Moscow: «Coda», 1997. 343 p.
2. Berdyaev, N.A. The Fate of Russia. Trials on Psychology of War and Nationality // Berdyaev, N.A. Philosophy of Freedom. Kharkiv: Folio; Moscow: «ООО Izdatelstvo AST», 2002. P. 263-474.
3. Vekhi (Milestones): Collection of articles on Russian Intellectual Elite. From the Depth: Collection of articles on Russian Revolution. Moscow: Izdatelstvo «Pravda», 1991. 608 p.
4. The Decembrist Revolt Materials. Vol. I. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1925. 540 p.
5. The Decembrist Revolt Materials. Vol. III. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1927. 446 p.
6. The Decembrist Revolt Materials. Vol. IV. Moscow, Leningrad: Gosudarstvennoe Izdatelstvo, 1927. 488 p.
7. Gurin, S.P. Marginal Anthropology // <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000963/st000.shtml>
8. Notes, Articles and Letters of Decembrist I.D. Yakushkin. Moscow: Izdatelstvo Akademii Nauk SSSR, 1951. 740 p.
9. Panarin, A.S. Orthodox Civilization in the Global World. Moscow: Algorithm, 2002. 496 p.
10. Trubetskoi, S.P. The Notes: 1844 – 1845, <1854> / The Decembrists' Memoirs. Moscow: Pravda, 1988. P. 19-76.

The Main Provisions of P.I. Pestel Programme

T. V. Kononenko

Abstract. The article is dedicated to P.I. Pestel, one of the ideologists of Decembrist movement. There are distinguished oral, radical, written and liberal versions of the Decembrist programme. There are investigated the problems of regicide, the dictatorship of the Transitional Supreme Government and Republic, both of the latter acting as the guarantors of ultimate victory, as well as of the established order shift and future transformations. There is also analyzed the project of a centralized state with the rigid vertical of power and total control of all life spheres.

Keywords: Decembrist movement, power, state, regicide, dictatorship of The Transitional Supreme Government, republic.